

жизни автора, показывает, как «военно-коммунистическая» идеология и сознание вступают в непримиримое противоречие с ходом жизни, становясь источником новой жестокости и лжи, противостоящих глубинному опыту народа. Повесть «Общежитие» отразила бытовую, семейную, нравственную деградацию, ставшую следствием «революционного» разрушения традиционных в России отношений мужчины и женщины. Во всех этих произведениях русский человек показан как «щепка», бросаема волнами революционных перемен и бурь.

Во второй половине 1920-х, по мере того как влияние РАПП в лит-ре становилось все более властным и директивным, положение З. заметно ухудшается. Рапповская группа «Настоящее» в Новосибирске повела против него настоящую войну, которая закончилась изгнанием З. из «Сибирских огней», сибирского СП и его переездом в Москву, где его поддержал М. Горький. В Москве З. работает вначале в Госиздате, затем редактором созданного по инициативе М. Горького ж. «Колхозник». З. был делегатом I Всесоюзного съезда писателей, членом правления Литфонда.

В начале 1930-х З. пытается вернуться к творческой работе. Он задумал на сибирском материале большой роман-трилогию о судьбах крестьянства — от коммун до коллективизации на рубеже 1930-х. Была опубликована лишь первая книга — роман «**Горы**» (1933), где показаны кануны коллективизации. Роман остался недописанным, рукописи его неопубликованных частей не сохранились. В последние годы жизни З. работал над пьесой «**Человеческие обязанности**» — о врачах, медицине, о новых отношениях между людьми (сведения о пьесе взяты из переписки З. с М. Горьким, оценившим пьесу как сочинение неудачное). Рукопись пьесы не сохранилась. З. принадлежат также лит.-критические и автобиографические «Заметки о ремесле», «**Зерно, поднявшее камень**», «**Литературная пушнина**», воспоминания о М. Горьком.

В 1937 З. был репрессирован, погиб в тюрьме. Реабилитирован в середине 1950-х, но из его произведений в те годы был опубликован в произвольно «отредактированном» виде лишь роман «Два мира»; по существу З. возвращается в русскую лит-ру XX в. лишь в конце 1980-х.

Соч.: Два мира: роман. В 2 ч. Ч. 1. М., 1921, и др. изд.; Литературное наследство Сибири. Т. 2. Владимир Яковлевич Зазубрин. Худож. произведения, статьи, доклады, речи. Переписка. Воспоминания о В. Я. Зазубри-

не. Новосибирск, 1972; Горы. Л., 1933; Общежитие / предисл. А. Горшенина. Новосибирск, 1990; Бледная правда / послесл. и прим. А. Горшенина. М., 1992.

Лит.: Горький М. [Предисл.] // Зазубрин В. Два мира. М., 1935; Трушкин В. Первый советский роман и его автор // Трушкин В. Литературные портреты: Писатели-сибиряки. Иркутск, 1961; Югов А. [Предисл.] // Зазубрин В. Два мира. М., 1987; Яновский Н. [Предисл.] // Зазубрин В. Два мира. Новосибирск, 1989; Горшенин А. Неезженными дорогами // Зазубрин В. Общежитие. Новосибирск, 1990.

В. М. Акимов

ЗАЙЦЕВ Борис Константинович [29.1(10.2). 1881, Орел — 28.1.1972, Париж] — прозаик, очеркист, мемуарист, переводчик.

Родился в дворянской семье (отец — горный инженер, управляющий мальцевскими металлургическими заводами), детство провел в имении родителей — с. Усты Жиздринского у. Калужской губ. Окончив в 1898 Калужское реальное училище, учился в Императорском Техническом училище в Москве, Горном ин-те в Петербурге, на юридическом ф-те Московского ун-та, но, не закончив его, преданся всецело лит. деятельности. Первые рассказы З. были напечатаны Леонидом Андреевым в 1901 в московской газ. «Курьер». В 1900-х З. погружается в лит. жизнь Москвы и Петербурга, публикуется в самых различ-

Б. К. Зайцев

ных изданиях, участвует в собраниях телешовского кружка «Среда», московского Лит.-худож. кружка, «Башни» Вяч. Иванова в Петербурге и сближается с мн. литераторами-современниками (И. Бунин, Л. Андреев, П. Муратов и др.). В 1906 вместе с Г. Глаголем, П. Ярцевым, Эллисом основывает лит. группу «Зори», выпускавшую одноименный журнал. В 1906 в петербургском изд-ве «Шиповник» вышла в свет первая книга З.— «**Рассказы**» в оформлении М. Добужинского, принеся автору громкий успех. До революции были изданы еще 5 сб. рассказов З.

Главными чертами прозы З. критика называла «доверие к жизни и оправдание ее», «просветленный оптимизм». «Это не чеховское убеждение-вера, что жизнь станет прекрасною через тысячу лет, а признание благою самой первоосновы жизни — принятие ее даже в настоящем ее проявлении», — отмечала Е. А. Колтоновская (Колтоновская Е. А. Борис Зайцев // Русская лит-ра XX в.: 1890–1910. М., 1916. Т. 3. Кн. 8. С. 67). В лит-ре Серебряного века книги З. выделяются особой тихостью, умиротворенностью. Просветленное и гармоничное, раннее творчество З. устремлено к миру горнему; его лирические герои — «путники» и «странники» по жизни — ощущают нераздельность, целостность природы и человека, их слиянность в едином Космосе.

От первых, импрессионистических «рассказов-поэм» З. постепенно переходит к сюжетным произведениям, написанным в «тургеневско-чеховской» манере (**О себе** // СС: в 11 т. Т. 4. С. 589). Взаимодействие реалистической и модернистской традиций определяет неповторимый зайцевский стиль, отличающийся особой прозрачностью, акварельностью красок, сердечным лиризмом. Ритмическая и звуковая организация речи придает прозе З. живописность и музыкальность. Критики относили З. к т. н. неореалистам, находя в его произведениях второй, «более глубокий фон, безмолвно присутствующий за всеми событиями и лицами, явленными автором... Весь пафос поэзии Зайцева заключается в проникновении и чувстве этих двух реальностей» (Топорков А. О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое Руно. 1907. № 10. С. 48).

Начиная с 1904 З. часто бывает в Италии, ставшей его второй духовной родиной. Итальянские темы и мотивы звучат во мн. произведениях художника; цикл очерков об Италии, завершенный уже после революции, составил книгу «**Италия**» (1918). В 1910-е З. осуществил перевод «Ада» Данте ритмизо-

ванной прозой (вышел в свет только в 1961 в Париже). На духовное развитие З. немалое влияние оказали труды В. Соловьева, который «пробивал пантеистическое одеяние юности и давал толчок к вере» («О себе»).

В 1915 вышел первый роман З. «**Дальний край**», герой которого от увлечения революционными идеями приходит к правде Евангелия. Первый период творчества З. завершает повесть «**Голубая звезда**» (1918), которую породила «Москва мирная и покойная, послечеховская, артистическая и отчасти богемная, Москва друзей поэзии и Италии — будущих православных» («О себе»). В светлой печали, судьбах героев (напоминающих персонажей Достоевского), картинах лит. и театральной жизни сквозит предчувствие крушения этого непрочного мира.

О «тихой непреклонности» З., его личном мужестве и самоотверженности, о его «бриллиантовом сердце» свидетельствуют мн. современники. В исторической катастрофе, постигшей Россию, З. сохранил незапятнанной честь русского писателя, офицера, интеллигента. Первая мировая война застала З. в имени Притыкино Каширского у. Тульской губ. Это — великое испытание, посланное людям за то, что они много нагрешили и «забыли Бога», — пишет он Г. И. Чулкову. — ...Все без исключения ответственны за эту войну. Я тоже ответствен. Мне — это тоже напоминание — о несправедливой жизни» (СС. Т. 10. С. 130). По окончании Александровского военного училища в марте 1917 З. был произведен в офицеры, но участвовать в боях ему не довелось: заболев крупозным воспалением легких, он получает отпуск и незадолго до окт. 1917 уезжает в Притыкино. 1917–22 стали самыми тяжелыми годами для семьи Зайцевых. В первый день Февральской революции убит его племянник, в 1919 умирает отец, затем по подозрению в контрреволюционном заговоре арестован и расстрелян сын жены З. от первого брака Алексей Смирнов. З. сотрудничает в «Книгоиздательстве писателей в Москве», в 1921 избран председателем Всероссийского СП; как член Помгола (Комитет помощи голодающим) арестован и несколько дней проводит на Лубянке.

Страдания и потрясения революционных лет приводят З. к осознанному принятию православной веры и к Церкви, верным чадом которой он остается до конца дней. С этого времени в его творчестве, по собственным словам писателя, «хаосу, крови и безобразию» будут противостоять «гармония и свет Евангелия, Церкви» («О себе»). Из всех

крупных художников XX в., пожалуй, только к И. С. Шмелеву, наряду с З., можно без оговорок отнести определение «православный писатель». Православное мировоззрение автора отразилось уже в рассказах 1918–21 («Улица св. Николая», «Душа», «Белый свет», «Уединение»), где З., расценивая революцию как закономерное возмездие за «распушенность, беззаботность... и маловерие», не впадает в озлобленность или ненависть, но призывает «русского интеллигента» прежде всего к покаянию, любви, кротости и милосердию. «Улица св. Николая» — образная хроника исторической жизни России начала века, редкая по точности и глубине осмысления событий; кроткий старичок возница Миколка (не сам ли Николай Чудотворец?) вывезет страну, как верится автору, из самых тяжелых исторических испытаний. Главнейший мотив, проходящий сквозь все творчество З., — мотив смирения. Смирение, понимаемое не в расхоже-бытовом, но христианском смысле, — это мужественное принятие всего, посылаемого Богом, оно противопоставлено самому тяжкому греху гордости и является твердой скалой, которую не в силах разбить бушующие волны моря мирских страстей. «Верю, что все происходит не напрасно, планы и чертежи жизней наших вычерчены не зря и для нашего же блага. А самим нам — не судить о них, а принимать беспрекословно» («О себе»).

В 1922, перенеся тяжелый сыпной тиф, З. с семьей выезжает на лечение за границу в Берлин, а с 1924 поселяется в Париже, где и проходит его более чем полувековой период эмигрантского творчества. И здесь З. оказывается в центре лит.-худож. жизни. Он много печатается почти во всех изданиях Русского Зарубежья («Совр. записки», «Возрождение», «Дни» и др.), редактирует лит. часть рижского ж. «Перезвоны», организует лит. вечера и встречи, поддерживает дружеские отношения с И. Буниним, А. Ремизовым, Д. Мережковским, З. Гиппиус, А. Куприним, И. Шмелевым, М. Осоргиним и др. Духовником семьи З. стал известный богослов, архимандрит Киприан (Керн). В 1928 З. принимает участие в I съезде писателей русского зарубежья в Белграде, указом короля Югославии Александра он награжден орденом св. Саввы Сербского. С 1947 и до конца жизни З. находится на посту председателя Союза русских писателей и журналистов, возглавляет лит. отдел в газ. «Русская мысль». В бытовом отношении, однако, Зайцевы живут более чем скромно, снимая дешевые квартиры на окраинах Парижа, в годы Второй мировой

войны переживают бомбардировки и оккупацию города.

В 1925 увидел свет роман З. **«Золотой узор»**. Беспечная, нравственно надломленная жизнь образованных слоев предреволюционной России сменяется страшной обстановкой расстрелов, лишений, террора Лубянки. З. обнаруживает истоки национальной трагедии и те силы, которые способны противостоять ей. Этот роман — «суд и над революцией, и над тем складом жизни, теми людьми, кто от нее пострадал. Это одновременно и осуждение, и покаяние — признание вины» («О себе»). Герои образуют «союз людей», творящих дела любви и смиренно несущих крест неслыханных испытаний, выпавших на их долю.

Облик России трагической, «терзающей и терзаемой», воссоздан и в «повестях смертей» конца 1920-х: **«Странное путешествие»** (1926), **«Авдотья-смерть»** (1927), **«Анна»** (1929), которые критикой были признаны лучшими в худож. отношении произведениями З., однако сам писатель их «не любил». В творчестве З. они уникальны по мрачному колориту, жесткому письму, обилию страшных и жестоких сцен. Но трагизм их не безысходен: в темноте, под рев метели, опустившейся на Россию, молится «за всех» в своей комнатке хрупкая девушка, смиренная непреклонность которой является тем камнем, на котором утверждается Россия («Авдотья-смерть»).

Благодаря страданиям и потрясениям революции, как писал сам З., он открыл для себя неведомый прежде материк — «Россию Святой Руси» (С. Т. 9. С. 17). В эмиграции, вдали от родины, тема «Святой Руси» становится главной в творчестве художника. В 1925 вышла в свет книга З. **«Преподобный Сергий Радонежский»** — жизнеописание самого почитаемого русского святого. Монашеский подвиг Сергия, возродившего духовную силу Руси в годы ордынского ига, служил напоминанием о том, что и нынче, когда Россия оказалась под новым, более страшным игом, необходима прежде всего духовная, созидательная работа. Светлый образ Сергия ободрял соотечественников З., изгнанных из России. В то же время З. избегал какой-либо политизации, осовременивания облика преподобного. Другой важной задачей книги было показать характер русской православной духовности. Представлению, что все русское «гримаса, истерия и юродство, достоевщина», З. противопоставляет духовную трезвенность Сергия — пример «ясности, света прозрачного и ровного»,

любимейшего самим русским народом (СС: в 11 т. Т. 7. С. 69).

«Россия Святой Руси» воссоздается З. во множестве очерков и заметок 1920–60-х: об Оптиной пустыни и ее старцах, о святых Серафиме Саровском, Иоанне Кронштадтском, Патриархе Тихоне, о церковных деятелях русской эмиграции, о Богословском ин-те и Сергиевом подворье в Париже, о русских монастырях во Франции. Мн. из них пронизаны чувством позднего раскаяния и горечи, как, например, очерк «**Около св. Серафима**», которого дореволюционная интеллигенция считала слишком «простонародным», посмеивалась над его канонизацией в 1903 и лишь теперь, вдали от родины, открыла для себя этого величайшего святого.

В мае 1927, вдохновленный рассказами поэта князя Д. Шаховского, принявшего монашество, З. совершает паломничество в центр вселенского православия — на Св. Гору Афон, а в 1935 вместе с женой посещает Валаамский монастырь, принадлежавший тогда Финляндии. Итогом этих поездок явились книги очерков «**Афон**» (1928) и «**Валаам**» (1936). Паломничество на Афон З. считал важнейшим событием в своей биографии. На Св. Горе он жил напряженной религиозной жизнью, много молился, беседовал со старцами и вернулся оттуда, по свидетельству жены, «обновленный и изнутри светлый» («**Другая Вера**»). Однако в его книге нет рассуждений о сугубо богословских и церковных предметах, цель автора иная: «Я пытаюсь дать ощущение Афона; как я его видел, слышал, вдыхал...» Писатель, «не предлагая читателю проповедь, вводит его в мир Церкви путем светским — эстетическим», и эта «сверхзадача» книги «глубоко скрыта под внешне ярким, как бы сугубо светским описанием» (Воропаева Е. В. «Афон» Бориса Зайцева // Лит. учеба. 1990. № 4. С. 33–34). Точно такой же метод автор использует в глубоко лиричном очерке о Валааме, не «разъясняя», но давая читателю возможность почувствовать мир православного монашества, пережить вместе с автором минуты тихого созерцания.

Щемящим чувством родины проникнуты картины уникального оазиса русской духовности, образы приветливых иноков и молитвенников-старцев. Очерки «Афон» и «Валаам» являются лучшими описаниями этих святынь в лит-ре XX столетия.

Свою миссию русского писателя, оказавшегося в изгнании, З. осознавал как приобщение и соотечественников, и западного мира к святыням православия, как «просачива-

ние в Европу и в мир, своеобразная прививка Западу чудодейственного „глазка“ с древа России...» («**Ответ Мюллеру**». СС: в 11 т. Т. 9. С. 87). В его книгах, однако, нет никакого учителя. Для «эстетической проповеди» З. характерно обращение к эмоционально-душевной сфере читателя. Задача автора — не доказать истинность православия, но показать его облик, пробудить к нему интерес, осторожно развеять предрассудки. Предложить Истину — и преклониться перед ее сиянием.

В романе «**Дом в Пасси**» (1935) воссоздана жизнь русской эмиграции в Париже. Книга исполнена сочувствия к людям, оказавшимся на чужбине. Герои романа — разные не только по социальному положению, но и по нравственным качествам; почти все они несчастны, жизнь одной из героинь заканчивается самоубийством. Критика отмечала, что фигуры в романе одновременно и очень реальны, узнаваемы, и стилизованы, живут в особом «зайцевском», акварельно-воздушном мире. М. Цетлин точно определил ведущую тему книги — вопр. «о просветляющем страдании... Мудрое, хотя и догматическое решение есть у монаха Мельхиседека. По-видимому, разделяет его и Зайцев, но как тонкий художник он не делает своей книги тенденциозной» (Совр. записки. 1935. № 59. С. 475). В романе появляется редкий в русской лит-ре персонаж — монах, подвижающийся в миру. Именно он воплощает православный взгляд на мир: «Последние тайны справедливости Божьей, зла, судеб мира для нас закрыты. Скажем лишь так: любим Бога и верим, плохо Он не устроит» (СС. Т. 3. С. 313).

На протяжении 20 лет З. создавал автобиографическую тетралогию «**Путешествие Глеба**», состоящую из книг «**Заря**», «**Тишина**», «**Юность**» и «**Древо жизни**» (1934–53), охватывающую период с 1880-х по 1930-е. Сам автор определял ее жанр как «роман-хроника-поэма» и говорил, что главное действующее лицо в ней — Россия, «тогдашняя ее жизнь, склад, люди, пейзажи, безмерность ее...» («О себе»). Все персонажи хроники, стоящей в одном ряду с «Жизнью Арсеньева» И. Бунина, «Летом Господним» И. Шмелева, «Детством Никиты» А. Толстого, имеют реальные прототипы. «Осмысля образ Глеба, З. подчеркивал в нем... черты, характерные для всего поколения в целом... Созерцательный, пассивный и отчасти жертвенный характер героя соответствует облику его небесного покровителя — св. Глеба (наряду со св. Борисом), первого русского святого-

мученика, завещавшего России свой „образ кротости“» (Воропаева Е. В. Жизнь и творчество Бориса Зайцева. С. 41).

Закономерно, что последним худож. произведением З. стал рассказ о монахах — «Река времен» (1964). Христианское осмысление вечного и преходящего, отточенность стиля позволили П. Грибановскому включить его в число «лучших десяти рассказов за последние сто лет» (Русская лит-ра в эмиграции. Питсбург, 1972. С. 138).

З. известен не только как автор замечательной худож. прозы, но и как вдумчивый критик и литературовед. Его очерки и мемуары о деятелях русской культуры (среди которых Блок, Белый, Бальмонт, Вяч. Иванов, Бердяев, Ал. Бенуа, Муратов, Мочульский, Бунин, Шмелев, Горький, Пастернак, Цветаева, Ремизов, Мережковский, А. Толстой, Паустовский и др.), собранные в книгах «Москва», «Далекое», «Братья-писатели», остаются непревзойденными по спокойной объективности и глубине постижения их духовной сущности. Исполняя христианскую заповедь о неосуждении ближнего, З. в то же время отчетливо различает добро и зло. Точные акценты, яркие образы, выражающие самую суть человека, интереснейшие факты — все это делает очерки З. бесценными как для историков лит-ры, преподавателей, так и для всех любящих российскую словесность. В конце жизни З. составил две мемуарные книги («Повесть о Вере» и «Другая Вера»), основанные на многолетней переписке В. А. Зайцевой и В. Н. Буниной. Жизнь сердца и души русских классиков бережно воссоздана З. в беллетризованных биографиях «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954). Метод «вчувствования» позволяет З. «делать историко-литературные наблюдения с такой степенью точности, которой не достигает самая пунктуальная фактография» (Прозоров Ю. М. // Русская лит-ра. 1988. № 2. С. 106).

Значение З. для русской лит-ры в том, что он органично совместил худож. подход с последовательно религиозным, доказал, что православная сфера может быть как предметом искусства слова, так и мирозерцательной основой худож. произведения.

З. был последовательно непримирим к советской власти, прежде всего из-за ее богороческого характера (что послужило причиной его разломки с Буниным). В СССР творчество Зайцева находилось под запретом и стало доступно российскому читателю только с конца 1980-х. До сих пор остаются

не переизданными десятки лит.-критических и публицистических выступлений писателя в зарубежной периодике.

В воспоминаниях современников З. предстает как «образец доброты, простоты, честности, скромности, благородства», его «иконописный» облик отражал внутреннюю душевную чистоту. Взаимоотношения З. с окружающими отличались редкой терпимостью и доброжелательностью; он был неустанным ходатаем и заступником за несправедливо обиженных людей, примирял враждующих, устраивал сборы средств и благотворительные вечера в пользу нуждающихся. Его брак с Верой Алексеевной Орешниковой оказался на редкость прочным и гармоничным, что также выделяет З. среди творческой интеллигенции XX в. Пережив всех своих современников, З. мирно скончался на 91-м году жизни и был похоронен на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Духовный облик З. определил критик берлинской газ. «Руль» С. Яблоновский: «Сам переносил — все перенес. Другим помогал переносить. Учил без учительства. Мирился. Не с злодейством, не с подлостью, а с жизнью, потому что жизнь для него — подвиг, и когда можно — радость, и когда надо — Голгофа» (Руль. 1926. 19 дек. С. 6).

Соч.: Соч.: в 3 т. М., 1993; СС: в 11 т. М., 1999–2001.

Лит.: Борис Константинович Зайцев: библиография / сост. Р. Герра. Париж, 1982; Б. К. Зайцев: биобиблиографический указатель / сост. В. А. Дьяченко. Калуга, 2001; Яркова А. В. Б. К. Зайцев: Семинарий. СПб., 2002; Струве Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956. С. 101–104, 262–266; Романенко А. Земные странствия Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Голубая звезда. М., 1989; Адамович Г. В. Борис Зайцев // Адамович Г. В. Одиночество и свобода. СПб., 1993. С. 102–112; Воропаева Е. В. Жизнь и творчество Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Соч.: в 3 т. М., 1993. Т. 1; Зайцев Е. Н. Русский писатель земли Калужской. Калуга, 2004; Зайцева-Соллогуб Н. Б. Я вспоминаю... М., 1998; В поисках гармонии: О творчестве Б. К. Зайцева. Орел, 1998; Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Вып. 1–3. Калуга, 1998, 2000, 2001; Прокопов Т. Ф. Вступ. статьи к собр. соч. Б. К. Зайцева в 11 т.; Комолова Н. Италия в творчестве и судьбе Бориса Зайцева. М., 1998; Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б. К. Зайцева 1922–1972 годов. СПб., 2002; Творчество Б. К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Калуга, 2003; Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.

А. М. Любомудров